182

из дневника
зануды

Лия Корнилова

Птицы поют безошибочно, или Вакцина тут одна

ПИШУ эти строки в мае на даче. Птички поют, листочки ярко-зелёные, не знающие ни пыли, ни зноя, ни холода, бойко разворачиваются. До осени, то есть до выхода моей статьи в свет, ещё далеко. В стороне, в углу веранды, тихонечко работает радиоприёмник – вещают дикторы, политологи, вирусологи… Они подкидывают и подкидывают хвороста в костерок моей темы. Но материала и так хватает. Он всюду, где звучит человеческая речь, где изложена мысль буквами.

А тема такая – решила поразмышлять над точностью высказанной мысли, над вольными и невольными отклонениями от смысловой цели сказанного. Известно, что более точны в высказываниях писатели, журналисты, филологи, драматические артисты, то есть люди, для которых слово является главным инструментом профессии. Но и здесь не всё гладко. Профессионалы ведь тоже люди – оговариваются, ошибаются и – уже по нашей теме – путают смыслы слов.

Вот связка *нельзя* и *невозможно.* Частенько тут одно понятие подменяется другим, и забитый потоком информации слух не замечает искажения смысловых значений. Пример: «Нельзя на пушечном ядре долететь до Луны». Спрашивается, кто запрещает? Почему нельзя? Пожалуйста, попробуйте! Другое дело, что н е в о з м о ж н о. Если не нравится пример, вот вам другой: «Врач сказал, что нельзя вылечить эту болезнь». Конечно, врач был неточен. Надо было сказать «невозможно вылечить». Опять-таки перепутаны *запрет* и *допустимость, способность, возможность.*

В русском языке, однако, достаточно пословиц и поговорок, где слово «нельзя» употребляется весьма вольно и в значении возможности тоже: *нельзя войти в одну реку дважды, нельзя прыгнуть выше головы…* Что ж, язык нередко алогичен. Я же веду речь в русле простой логики и точности высказываний, с колокольни зануды и перфекциониста.

Вот читаю в Фейсбуке гневный текст о торговках, наживающихся на пандемии: «Представляю тех и других…» Думаю, автор сейчас представит их поимённо или ещё как-то. Но нет. Оказывается, он представлял их с е б е «с горящими глазами и загребущими руками». В следующем абзаце снова: «Представляю прошмандовок…» Опять думаю, теперь-то уж точно с потрохами представит. Ожидания мои вновь оказались тщетными. Автор, оказывается, вообразил их, «изучающих технологию успешного обледенения морепродуктов в целях собственного обогащения». Получается, автор просто не различает два понятия *представить* и *представить себе* – представить кого-то кому-то и вообразить.

Да, наш динамичный век требует лаконичных изъяснений, и порою в угоду краткости проглатываются слова, усекаются смыслы. В устной речи это ещё не так заметно, но на письме ошибка становится очевидной.

Недавно перечитала два тома В. Вересаева «Пушкин в жизни», которые состоят из воспоминаний о великом поэте многих его современников. И никто из них при словосочетании *представить себе* вторую часть её употребить не забывает – друзья Пушкина, современники и даже враги поэта были простонапросто людьми высокообразованными.

Пишу эти строки, как внимательный читатель догадался уж, наверно, во время пандемии и самоизоляции. Из всех утюгов звучат советы заниматься дома спортом. Но здесь с точки зрения точности высказывания, надо различать спорт и физкультуру. Спорт предполагает соревнования, первенство, рекорды… А физкультура – просто физические занятия для укрепления здоровья. И смешно, когда, скажем, бабке с дедом рекомендуют заниматься в их однокомнатной квартире не физической культурой, а чем, интересно? – спринтом, марафоном, прыжками в длину-высоту, кролем в ванне?.. Или приседанием? Но это уже далеко не спорт.

Часто вместо слова *стихотворение* употребляют *стих.* Но стих – это часть стихотворения, всего лишь одна его строка. Помню, в одном старом художественном фильме некий недоросль пафосно заявлял, что он прочтёт стих, и читает с выражением стихотворение. Это была пародия на необразованность. И было смешно, когда дети то ли за ним, то ли по собственному неразумению стихом стали называть стихотворение. И не только дети. Похожее произошло после фильма «Кавказская пленница», в котором Трус (в исполнении Г. Вицина) ту́флю назвал туфлёй. Помните: «Чей туфля́?.. О-о, моё, спасибо!» А народ в своём большинстве юмор не понял, и ту́фля в обыденной жизни превратилась в туфлю́.

Возвращаясь к стиху… На праздничных утренниках и вечерах нет-нет да и слышим это пресловутое передёргивание понятий стиха и стихотворения. Подобное происходит обыкновенно от незнания предмета, от шапочного знакомства с огромным миром поэзии или в целях словесной краткости, экономии, характерной в наш компьютерный век, что неизбежно ведёт к примитивизации языка, искажению смыслов, поголовному снижению грамотности.

Что уж говорить о лингвистических нюансах, когда теперь в соцсетях стало модно нарочито коверкать язык, косить под народность, якобы, как слышу, так и пишу. И вот уж в глазах рябит от этих *щас, чаво, ваще… Ото* вместо *а то.* И что интересно, злоупотребляют этим в своём большинстве члены писательских и журналистских сообществ, как бы профессионалы… Именно *как бы*. Настоящий профессионал никогда не станет ломать свой инструмент.

Не буду оригинальной и в который раз повторю: точностью слова и вследствие – точностью мысли разительно отличался и отличается от большинства своих собратьев по перу А. С. Пушкин. Многие, особенно юные литераторы, гонятся за образностью, необычностью, как сейчас принято говорить, самобытностью письма, что нередко ведёт к неожиданной ломке смыслов. Да, есть гении образного мышления (С. Есенин), нестандартного построения текстов (А. Платонов), но зачастую приходится сталкиваться на этом пути с искажением логики повествования, понятий, ошибочности словоупотребления. Но опустимся на землю. Вот выступает по радио литератор и каждый поворот мысли начинает со слова *смотрите.* А куда и что смотреть, когда требуется *слушать*? Или он же говорит: «Я выше заметил». Как это выше? Ведь опять-таки мы *слушаем*, а не смотрим на газетные столбцы или на его выступление, изложенное на бумаге. И тут же, через пять минут, слышу: «Он заряжен положительной энергетикой». И опять: «Да, у него хорошая энергетика». Но слово *энергетика* означает область хозяйства, охватывающая энергетические ресурсы. Не надо путать энергию с энергетикой, как скажем, природу с экологией, наукой об окружающей среде.

И потом некоторые искажения заразны и ходят они какими-то новомодными волнами по всей акватории языка. Скажем, выныривает на поверхность какая-то нелепая закавыка, и вот подхватывают её, как попугаи, журналисты, пропагандисты… И неудержимо расходится она по городам и весям, профессиям и всем слоям населения бубонной чумой, которую не остановить, которая для неискушённых людей просто не совсем заметна. Особенно это свойственно спортивным комментаторам. Все они, как один, говорят, например, *двойная замена,* когда речь идёт о двух заменах разных игроков на разных позициях. А по сути, это словосочетание должно применяться к чему-то единому: двойной замене игроков на одной позиции или замене игрока, а потом выходе его же опять на поле. К примеру, в боксе: двойной удар – это когда один боксёр дважды бьёт по одной цели. Как-то раз, но это уже в кино, я даже услышала о двойном убийстве. Это что, получается, одного человека дважды убили? Или комментатор за комментатором, как заезженная пластинка,

M.Akhal

повторяют друг за другом фразы со словом *попадание*. Тут и борьба за попадание в финал, и гонка за попадание на олимпиаду… Несуразное слово в несуразном контексте. Что за попадание или непопадание в финал?! И ни один не догадается сказать просто и правильно: *борьба* за *участие в финале, олимпиаде*…

Примеров непочатый край. Профессиональных фотографов обижает, когда их фотографии называют фотками, пожарных – пожарниками, стартовавших – стартанувшими, а красавиц – красотками. Одна поэтесса назвала одного известного писателя-интеллектуала, глядя на его многолетней давности фотографию, красавчиком и умником. Для неё умница и умник, видать, одно и то же.

А радиоприёмник продолжает на моей веранде лить новую чумную волну: отстраховали, отзащищали, отчитали (не выговор сделали, не отругали, а прочитали, оказывается), отшили (не отвадили, не прекратили круто отношения, а пошили костюмы). Но более всего режет слух новоиспечённый эвфемизм, краткий и эмоциональный *блин*, заменивший расхожее вводное словцо ненормативной лексики. Исчезли безвозвратно *ёлки-палки* и т. п. Особенно смешно, когда это кулинарное изделие произносят герои дублированных фильмов США, Англии, где настоящими блинами и не пахнет.

Есть такое болезненное чувство: лексическая *идиосинкразия*. Это – непереносимость каких-то не перевариваемых по тем или иным причинам слов. Скажем, труднопроизносимых и не совсем понятных: *экзистенциальная* литература, *трансцендентные* числа… Моя же опять-таки труднопроизносимая *идиосинкразия* происходит от другого, от корявой, неправильной, пусть и просто воспринимаемой речи, и носит хронический характер. Я долго, письменно и устно, боролась против словесного мусора и вздора, высмеивала те или иные выражения, фразы, отдельные слова… Оказывается, всё бесполезно. После многих лет размышлений я поняла: вакцина тут может быть одна и общая: образование, просвещение, а также профессионализм учителей, писателей, журналистов и всяческих ораторов и вещателей. Чтобы с помощью их, главных ретрансляторов языка, люди в своём большинстве принимали правильную речь и не путали энергию с энергетикой и природу с экологией.

А природа в мае и в самом деле великолепна. И небо бездонно-синее, и листочки ярко-зелёные, и птицы поют на зависть безошибочно и верно.